

В. А. Энтин¹

МИРОВОЙ ПОРЯДОК, МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

1. В учебной и научной литературе утвердился своеобразный канон. Международное право рассматривается как автономный правовой феномен, действующий и развивающийся в рамках юридической науки. Это удобно в прикладных целях изучения публичного и частного права, но мешает пониманию существенных особенностей функционирования международного права. Отсюда горькие сетования на кризис международного права, его развал, попрание основополагающих принципов, зафиксированных в универсальных международных конвенциях. Между тем международное право является лишь функциональной подсистемой системы более высокого уровня, каковой является мировой порядок.

2. Связь с мировым порядком, который трансформируется без формального пересмотра институциональной системы, обслуживавшей предшествующее мироустройство, обуславливает особенность международного права как сравнительно самостоятельной культурно-исторической подсистемы. Ориентация международного права на интересы системы более высокого уровня, каковой является миропорядок, делает невозможным полное подчинение международного права как нормативно-правовой подсистемы мирового порядка национальному видению или восприятию норм и институтов международного права. Вместе с тем воздействие мягкой силы государства-гегемона или группы стран, связанной с ним союзническими отношениями, сказывается на стилистике и трактовке норм международного права, в том числе на формировании набора клише и представлений, получающих наибольшее распространение в мировом информационном пространстве.

3. Международное право зародилось как ответ на потребности и вызовы сотрудничества между государствами и государствовподобными образованиями. Вместе с тем в силу исторических причин возникновения *jus gentium* как права народов, вошедших в состав или сферу влияния Римской империи, международное право опосредовало и фиксировало соотношение сил в международных отношениях главным образом внутри *raja* *gotana*. Иллюзия континуума и преемственности норм и институтов поддержи-

валась расширением сфер сотрудничества, которое шло в привычных формах, тогда как значение содержательных изменений в характере субъектов правоотношений нередко вуалировалось сохранением форм и ритуалов.

4. Историческая дискретность международного права, его привязка к конкретным условиям места и времени преодолевается с помощью избирательности применения отдельных принципов международного права в ущерб остальным либо в строго ограниченных географических или ситуационных рамках. Произвольное расчленение корпуса международного права на обособленные *ad hoc* решения, предназначенные только для строго конкретного случая, усиливают позиции тех, кто считает международное право не более чем проекцией мирового порядка. Причем проекцией, формируемой и артикулируемой в теоретических представлениях и нормах национального права. В результате восприятие и преподавание международного права гораздо в большей степени подчинено национальным культурным особенностям, чем отраслевые правовые дисциплины.

5. Пока развитие международного права шло в рамках ориентации на один центр силы, экономического и культурного преобладания, национальное право преобладающего государства проецировалось на мироустройство и соответствующее ему международное право. Географическая дискретность международного права объяснялась слабостью или отсутствием устойчивых взаимосвязей между странами и регионами. В условиях роста изменчивости международных отношений, нарастания сфер сотрудничества происходит резкое количественное увеличение массива норм, вытекающих из обычаев международного обмена в различных сферах профессиональной деятельности, признаваемых субъектами международных отношений.

6. Переформатирование системы международных отношений сопровождается катаклизмами, меняющими привычные темпы развития международного права, и требует юридического закрепления на международных форумах, подводящих черту под событиями, изменившими мир. На подобных международных конференциях создаются международные организации и институты, связанные с тем мировым порядком, каким он был на момент их создания, а далее их основной задачей становится исполнение возложенных на них функций, но исполнение таким образом, который обеспечивает сохранение и увеличение численности обслуживающего их персонала. Институциональная инфраструктура международного порядка, сложившегося в конкретных исторических условиях, продолжает существовать и после изменения этих условий. Разрыв между реалиями, сложившимися на глобальном и региональном уровне, и институциональной инфраструктурой снижает эффективность ее функционирования

¹ Директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат юридических наук. Автор более 120 научных публикаций на русском, английском и французском языках по правовому положению СМИ, авторскому праву и смежным правам, в т. ч.: «Европейское право» (гл. 30–31), «Адвокатура. Сборник лекций» (в соавт.), «Комментарий IV части ГК РФ» (в соавт.) и др. Один из авторов законопроектов: «О печати и других средствах массовой информации», «Об архивах и архивном деле», закона России «О средствах массовой информации». Участвовал в разработке закона России «Об авторском праве и смежных правах». Эксперт ЮНЕСКО по авторскому праву и праву СМИ. Член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике» и Совета по внешней и оборонной политике. Действительный член Международной академии сравнительного права (Франция).

и множит попытки односторонних действий в обход международного права.

7. Создаваемая на основе делегированных государствами полномочий нормативно-правовая база международного сотрудничества носит узкоспециализированный характер. Дабы уйти от политического соперничества государств-членов, международные организации вынуждены ориентироваться на замкнутую группу экспертов и посвященных, в силу своей профессии ориентированных на политико-правовые установки страны, представителями которой они являются, в результате чего особенности национального права ведущих экспертов проецируются на международно-правовые нормы. Культивируемый международными организациями миф о нейтральности работающих в них чиновников не выдерживает столкновения с реальностью, когда речь идет о политическом интересе государств, гражданами которых они являются.

8. Углубление сотрудничества между государствами на региональном уровне привело к своеобразному синтезу в стиле *fusion* национального и международного права, в результате чего возникло такое своеобразное явление, как интеграционное право. Оно характеризуется рядом специфических черт, к которым относятся: предоставление наднациональной компетенции в различных областях деятельности интеграционным структурам; провозглашение самобытности и автономного характера права интеграционного объединения (как было сделано Европейским Союзом в отношении права ЕС). Более того, в учредительных актах Европейского Союза подчеркивается, что единственным институтом, обеспечивающим общеобязательное толкование и единообразное применение права ЕС, является Суд ЕС. Это означает, что право ЕС, действуя на территории государств-членов, не подчиняется ни национальному праву государств ЕС, ни международному праву.

9. Вместе с тем интеграционное право действует и подлежит применению национальной судебной системой, замещая национальное право в тех сферах, которые урегулированы правом ЕС. В отношении областей специальной компетенции и сфер продвинутого сотрудничества создаются инструменты собственно права ЕС, каковыми являются товарный знак ЕС, про-

мышленный образец ЕС, а по завершении процедуры ратификации — Унитарный патент ЕС. Таким образом, в сфере интеллектуальной собственности в ЕС создается двухуровневая система правовой охраны объектов интеллектуальной собственности. Привычные национальные правовые инструменты вступают в конкуренцию с создаваемой системой защиты промышленной собственности, функционирующей на всей территории Европейского Союза и обеспечивающей более высокую степень защиты правообладателя (в том числе от национального права и национальной системы правоприменения).

10. Наличие на территории государств — членов ЕС интеграционного права рассматривается как важнейший элемент мягкой силы, позволяющей Западной Европе на равных разговаривать с Китаем и США. Вместе с тем в таком диалоге нередко звучат менторские нотки. В письме Французского центра сравнительного права № 74, датированном январем 2015 года, отмечается, что пора отказаться от привычного анализа азиатских и иных неевропейских правовых систем под углом зрения степени рецепции западных норм и стандартов как показателей модернизации. За национальными правовыми системами стран Азиатско-Тихоокеанского региона признается достоинство, что они обеспечили беспрецедентный экономический рывок. Следовательно, при выработке международных стандартов нужно отходить от однобокой ориентации на опыт США и Европы и более внимательно относиться к лучшим практикам (*best practices*) других стран.

11. Интеграционное строительство на территории бывшего СССР в значительной мере опирается на более бережное отношение к национальному суверенитету, чем в Европейском Союзе. Наделение Евразийской экономической комиссии определенными наднациональными полномочиями в рамках проекта создания Единого экономического пространства, куда вошли Россия, Белоруссия, Казахстан и Армения, к которым с 23 мая 2015 года присоединится Киргизия, переформатирование Суда Евразийского экономического сообщества в Суд Евразийского экономического союза свидетельствуют о намерении развивать интеграционное право, действующее на территории стран-участниц.